

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 1950-Х: ПРОТИВОРЕЧИЯ, НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)
Agrarian transformations of the 1950th: contradictions, incompleteness and consequences
(on the example of the Urals and Sverdlovsk region)

В. Н. Мамяченков, доктор исторических наук, доцент

Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, пр. Ленина, 136)

Рецензент: С. М. Корунов, кандидат технических наук, доцент

Аннотация

В статье подробно освещаются и анализируются основные направления аграрных преобразований, происходивших в СССР в 1950-х гг.

Начало указанного периода сельское хозяйство страны встретило в глубоком кризисе, связанном прежде всего с негативными последствиями закончившейся Второй мировой войны и начинающейся «холодной». Поэтому на повестке дня стояли проблемы, связанные с проведением неотложных реформ в этой важной сфере экономики. Ключевыми проблемами предстоящих реформ были инвестиции в сельское хозяйство, оптимизация налогообложения и полноценное функционирование личного подсобного хозяйства (ЛПХ) сельских жителей.

Характерными признаками сельскохозяйственных реформ 1950-х гг. были противоречивость и незавершенность, в результате чего их позитивный импульс постепенно нивелировался.

Автор проиллюстрировал изложенный в статье материал конкретными примерами из истории сельского хозяйства Урала и Свердловской области. При этом в работе помимо прочих источников использовались данные трех региональных и одного федерального архива.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Свердловская область, реформы, крестьянство, колхозы, совхозы, продуктивность, инвестиции, налоги, личное подсобное хозяйство.

Summary

In article the main directions of the agrarian transformations happening in the USSR in the 1950th years are in detail lit and analyzed.

The agriculture of the country met the beginning of the specified period in the deep crisis connected first of all with negative consequences of the ended World War II and beginning «cold». Therefore the problems connected with carrying out urgent reforms in this important sphere of economy were on the agenda. Investments into agriculture, optimization of the taxation and full functioning of the personal subsidiary farm (PSF) of villagers were key problems of the forthcoming reforms.

Due to the discrepancy and incompleteness that were characteristic signs of agricultural reforms of the 1950th years it positive impulse was gradually leveled.

The author illustrated the material stated in article on concrete examples from history of agriculture of the Urals and Sverdlovsk region. Thus in work besides other sources data three regional and one federal archive were used.

Keywords: agriculture, Sverdlovsk region, reforms, peasantry, collective farms, state farms, efficiency, investments, taxes, personal subsidiary farm.

Начало таким преобразованиям положила широко известная аграрная реформа, начатая в 1953 г. Проведение ее было вызвано прежде всего глубоким кризисом колхозно-общественного уклада сельского хозяйства страны. Напомним только два факта: первый состоит в том,

что и через 8 лет после окончания Великой Отечественной войны – в 1953 г. – хлеба в стране было заготовлено не только меньше, чем в 1951 и 1952 гг., но меньше, чем в довоенном 1940 г. А второй заключается в том, что в начале 1950-х гг. расходы военно-промышленного комплекса достигли 92 % от всех капиталовложений [1]. Даже по явно заниженным стандартам советской экономики это была катастрофа.

Для Свердловской области итоги колхозного производства 1953 г. также были крайне неудовлетворительными, что и отмечалось в справке сельхозотдела обкома партии: «В колхозах [области] на 100 га сельскохозяйственных угодий приходится 12,2 головы КРС, в том числе 4,4 коровы. <...> При этом на 100 га сельскохозяйственных угодий получено молока 41,3, а мяса – 6 ц в убойном весе. <...> Плохо еще механизированы работы по сенокошению – 38, уборке картофеля – 46,5 и силосованию – 61 %» [2]. И все это несмотря на то, что в 1953 г. в области имелось 86 МТС, обслуживающих 693 колхоза с площадью пашни 1 281 тыс. га. При этом только за указанный год в МТС области поступило 309 тракторов и 177 самоходных комбайнов. Численность работников МТС также непрерывно росла: с 17 383 человек в 1953 г. до 22 391 человека в 1954 г. Но эффект был обратным: МТС области закончили 1953 г. с чистым убытком в 1 473 тыс. руб., что в 2,4 раза превысило убытки 1952 г. Из 86 МТС только 28 получили прибыль. Поэтому неудивительно, что процитированный нами выше документ обкома партии констатировал следующее: «Необходимо признать, что продуктивность машинно-тракторного парка в МТС продолжает оставаться низкой, а работники МТС до сих пор не добились улучшения использования тракторов и повышения сменной выработки трактористами. За весенний период с 1 мая по 20 июня (1954 г. – *примечание автора*) коэффициент использования тракторного парка по области составил только 0,61. <...> Средняя норма выработки на работающий трактор составила 3,4 га при норме 3,8 га» [3].

Конечно, иностранным делегациям (которые хотя и редко, но посещали нашу страну) показывали не реальное положение дел, а то, что в обиходе называется «потемкинскими деревнями». Совсем эпизодически такие делегации заезжали и в нашу отдаленную от всех границ область. Так, в августе 1953 г. в колхозе им. Свердлова Арамильского района побывала французская делегация, на вопросы которой отвечал председатель колхоза И. Я. Коршунов. Он с гордостью рассказал о том, что в 1952 г. в их колхозе на каждый трудодень было выплачено: зерновых – по 2,6 кг, овощей – по 2 кг и деньгами – по 3 руб. 26 коп. При этом каждый колхозник, по его словам, выработал за год в среднем по 450, а каждая семья – 800–900 трудодней [4]. Таким образом, годовой денежный доход семей в данном колхозе за указанный год находился в пределах 2 600–2 900 руб.

Но приведенные цифры этого «образцового» колхоза значительно превышали средние показатели по области в указанном году. Так, среднегодовой семейный денежный доход колхозников Свердловской области от работы в колхозе и МТС составил 1 807 руб. Что же касается натуральных выплат, то на один трудодень было выплачено: зерна – 1,41 кг, картофеля и овощей – 0,11 кг, сена и соломы – аж 1,14 кг [5]. Следовательно, доходы колхозников данного коллективного хозяйства (если они действительно были) являлись нетипичными, так как были много выше обычных. Для сравнения приведем еще такие цифры: в Белоруссии в том же 1952 г. в колхозах восточных областей было выдано на один трудодень в среднем: деньгами – 37 коп., зерном – 1 кг и картофелем – 1,4 кг, а в западных областях – деньгами – 27 коп., зерном – 1,3 кг и картофелем – 0,5 кг [6].

Сама жизнь вынуждала руководство страны к принятию неотложных мер по повышению эффективности сельскохозяйственного производства. Комплекс таких мер начал реализовываться в соответствии с решениями августовской сессии Верховного Совета СССР и

сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС [7]. К этому времени в сельском хозяйстве страны особенно нетерпимой стала ситуация в налогообложении: в июле 1953 г. министр финансов СССР А. Г. Зверев направил в ЦМ СССР докладную записку, в которой сообщал, что размер сельхозналога за доход от личного подсобного хозяйства (ЛПХ) с 1939 по 1952 гг. увеличился в 5 раз [8]. В результате был принят Закон о сельскохозяйственном налоге [9], который устанавливал его не с доходности, а с 0,01 га (с так называемой сотки) и был дифференцирован по районам страны в пределах от 3 до 22 руб. Хозяйствам же, не имеющим коров, налог снижался на 50 %. Кроме того, были сняты некоторые ограничения и уменьшены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции, увеличивались льготы семьям военнослужащих, инвалидам войны, престарелым [10]. Налоги с ЛПХ уменьшились в 3–5 раз, а поэтому в 1953 г. уровень налоговых платежей у колхозников стал наконец-то ниже, чем в 1946 г. [11]. Таким образом, в налоговой политике государства в аграрной сфере произошел решительный перелом.

Надо сказать, что, проводя такую непривычно либеральную политику по отношению к селу, органы власти нередко сталкивались с непониманием городского населения, привыкшего к униженному положению села: «государственнические» взгляды, к сожалению, господствовали тогда в головах многих, в том числе образованных, городских жителей. Именно такой уровень мышления хорошо выразил некий Князев, ассистент физико-математического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького, заявивший на партийном собрании буквально следующее: «Считаю, что если мы поставки с колхозников снизим, то они вообще не будут работать. Колхозы будут разрушаться, а колхозники будут возить [продукты] на базар и продавать по дорогой цене». Выступление Князева не осталось незамеченным: решением райкома партии ему был объявлен строгий выговор [12].

В дальнейшем, особенно в 1956–1957 гг., государство приняло еще ряд решений, стимулирующих колхозное производство [13]. Например, было произведено значительное повышение государственных закупочных цен: если в 1953 г. заготовительная цена на пшеницу в Свердловской области была от 8 до 10 руб. за ц, то в 1958 г. – уже 28 руб. Цены на картофель были повышены более чем в 3 раза, на молоко – более чем вдвое, на мясо КРС – более чем в 7 раз [14]. Наконец, в продолжение такой политики в 1957 г. были отменены обязательные поставки, которые взимались с ЛПХ колхозников с 1933 г.

Позитивные сдвиги в индивидуальном и коллективном секторах сельского хозяйства не заставили себя ждать. Достаточно сказать, что за пять лет в колхозах и совхозах области средний годовой надой молока на одну фуражную корову увеличился более чем вдвое – с 984 в 1953 г. до 2 135 л в 1958 г. [15]. А в индивидуальном секторе только в течение 3-х лет, с 1953-го по 1956 гг., валовая продукция ЛПХ колхозников страны увеличилась в 1,5–1,8 раза [16]. Значительным был рост этого показателя в 1955–1960 гг. и на Урале (правда, в основном за счет овощеводства).

Таким образом, в сельском хозяйстве страны после 1953 г. происходил своеобразный ренессанс. Но, как справедливо отметил В. П. Мотревич, «эффект от принятых в 1953 г. решений <...> сохранялся [только] до конца 1950-х гг.» [17]. В связи с этим нельзя не сказать, что в работах ряда исследователей политика в области сельского хозяйства, намеченная упомянутым пленумом, именуется «новым курсом», ставшим якобы «переломным рубежом в развитии сельского хозяйства». Так, М. Н. Денисевич назвал его «поворотным событием в истории советской деревни» [18]. Такая оценка решений данного пленума представляется нам не более чем конъюнктурой. На наш взгляд, решения, принятые руководством страны в августе–сентябре 1953 г., *могли бы* совершить перелом в развитии сельского хозяйства в стране,

но этого в конечном итоге не произошло. К великому сожалению, все начавшиеся позитивные перемены и наметившаяся положительная динамика в развитии сельского хозяйства были сведены на нет последующими пагубными и непоследовательными решениями.

В рамках аграрных преобразований 1950-х гг. и более поздних лет проходил и еще один процесс – преобразование колхозов в совхозы. Совхозы – «советские хозяйства» – стали создаваться в нашей стране еще в первые годы советской власти. К началу Великой Отечественной войны в Свердловской области насчитывалось 47 совхозов, объединенных в 3 треста. В годы войны все они были переданы промышленным предприятиям в качестве подсобных хозяйств. А в послевоенное время, в 1948 г., был создан трест совхозов в составе 24 хозяйств, из которых 22 находились в Свердловской области, а 2 – в Молотовской [19]. В дальнейшем количество совхозов стало расти ускоренными темпами: в 1960 г. на Урале было уже 450 совхозов, в 1970 г. – 915, а в 1985 г. – уже 1 285. (Что касается Свердловской области, то в 1985 г. в ней насчитывалось уже 225 совхозов и 74 колхоза.) В соответствии с этой тенденцией, удельный вес колхозов в производстве сельскохозяйственной продукции на Урале снизился с 66 в 1950 г. до 29 % в 1985 г. [20]. Аналогичные процессы происходили и в стране в целом: с 1953 по 1964 гг. количество совхозов в СССР возросло с 4,9 до 10,1 тысяч [21].

Одной из причин таких резких перемен в организации сельскохозяйственного производства было то, что колхозы в их архаичном виде, конечно же, изжили себя. Явным признаком этого был хотя бы тот факт, что должность председателя колхоза уже в 1950-х гг. была абсолютно непрестижной. Например, только за 1956–1957 гг. в колхозе «Рассвет» Камышловского и им. Калинина Петрокаменского района сменилось по 4 председателя, то есть каждый проработал на своем посту в среднем около полугода. За тот же период времени в колхозах «Память Ильича» и им. Ленина (Коптеловский), им. Сталина и им. Крупской (Слободотуринский), им. Свердлова (Махневский) и им. Ленина (Невьянский район) сменилось по три председателя [22]. Попытки областных властей рекрутировать на должности председателей и других сельских руководителей городских жителей большого успеха не имели: из кооптированного (в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г.) на должности председателей колхозов 41 человека в течение первых трех лет выбыли по разным причинам 19, из 20 директоров МТС – 11, из 26 главных инженеров МТС – 20, из 34 заведующих МТМ – 30 [23].

В дальнейшем, несмотря на огромные инвестиции в аграрный сектор, эффективность колхозов не росла, и в 1980-х гг. более 80 % из них на Урале являлись убыточными [24]. Процесс преобразования колхозов в совхозы имел свои последствия, прежде всего для сельского населения. Особенно это ощущали колхозники до 1966 г., то есть до введения гарантированной оплаты труда в колхозах: будучи совхозными рабочими они, с одной стороны, получали твердую зарплату в рублях, но с другой – их натуральные доходы уменьшались.

Конечно, нельзя сказать, что абсолютно все действия властей были неверными. В потоке постановлений и решений встречались и достаточно обоснованные и дельные, отвечающие потребностям дня. Но они уже не могли переломить ситуацию. Примером такого импульсивного и нереализованного документа осталось Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства». Этим постановлением руководство страны (и прежде всего Н. С. Хрущев) попыталось прекратить практику жесткого администрирования в отношении колхозов, которым предписывалось, когда, что и как сеять, сколько и какого скота разводить и т. д. и т. п. Предполагалось ввести новый порядок планирования, взяв за основу объем производимой каждым конкретным колхозом продукции, что поощряло бы инициативу колхозов в улучшении использования закрепленных

за ними земель. Кроме того, предусматривалось, что государственный план по обязательным поставкам будет доводиться до колхозов не позднее 1 сентября текущего года, а колхозы смогут по собственному усмотрению определять размер посевных площадей под культурами, а также продуктивность животноводства и количество скота по видам.

Но и это постановление фактически так и осталось на бумаге, так как сельское хозяйство давно уже было полностью во власти командно-административных методов управления. А поэтому реализовывать подобные, в общем-то здравые, позитивные решения было просто некому: партийно-хозяйственные «верхи» их не принимали и не могли принять в силу своего менталитета, а задержанные бесконечными, зачастую некомпетентными указаниями «низы» оказались, естественно, не готовы принять «так много суверенитета». Поэтому мало что изменил и новый устав сельхозартели, принятый в 1969 г., тем более что и он содержал ряд ограничений, касающихся ЛПХ.

Таким образом, во второй половине 1950-х гг. вектор политики в отношении ЛПХ изменился в сторону их ограничения и последующей ликвидации. В результате появилось упомянутое Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 г., в котором руководство страны, исходя из надуманного тезиса о якобы имевшей место «незаинтересованности» крестьян в наличии ЛПХ, рекомендовало колхозам и местным советским и партийным органам «проводить линию на сокращение ЛПХ». В постановлении кроме всего прочего говорилось, что «следует не допускать увеличение приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, стремиться к его сокращению, поскольку использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее и колхозники в конечном счете получают доход значительно больше». Далее в том же постановлении указывалось, что при внесении поправок, изменений и дополнений в устав сельскохозяйственной артели «вряд ли есть необходимость сохранять ранее установленное количество скота, которое может иметь колхозный двор» [25].

Фактически это постановление положило предел временному компромиссу государства с ЛПХ населения: коммунистические лидеры (и Н. С. Хрущев здесь никак не исключение) высокую продуктивность сельского хозяйства связывали только с максимальной степенью его обобществленности. Фактически последний (как нам представляется) шанс для спасения сельского хозяйства, который предоставила история руководству страны, использован не был. Хотя, что интересно, вопросы развития сельского хозяйства обсуждались только с 1953 по 1960 гг. на 10 из 15 пленумов ЦК КПСС. О том, какой была практическая отдача от принятых на них решений, говорит такой рядовой пример: в 1960 г. в Никольском совхозе Сысертского района пало 317 голов КРС и 1 524 свиньи, а суммарные убытки от деятельности составили 5,8 млн руб. [26].

В продолжение такой политики декабрьский (1958) Пленум ЦК КПСС рекомендовал уже и совхозам в течение короткого времени выкупить весь скот у своих работников. И, наконец, 12 августа 1959 г. был принят Указ ПВС РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» [27]. Все эти решения прямо способствовали укреплению у владельцев ЛПХ чувства неуверенности в будущем и породили заметные изменения на рынке продуктов сельского хозяйства. Причем изменения столь разительные, что их заметили даже представители правящей элиты страны. Так, В. А. Крючков, бывший в ту пору референтом в одном из отделов ЦК КПСС (будущий Председатель КГБ СССР), отмечал впоследствии: «Вдруг словно что-то надломилось. Беднее стал ассортимент, прежде всего продовольственных товаров. На колхозных рынках резко повысились цены на мясо и другую сельскохозяйственную продукцию. Было ясно, что начала

сказываться политика Н. С. Хрущева по ограничению, а затем и откровенному зажиму приусадебных хозяйств» [28]. Дело дошло до того, что осенью 1962 г. Совмин РСФСР вынужден был принять постановление, разрешающее создавать в совхозах и других предприятиях сельского хозяйства общественные огороды [29].

Именно в упомянутые годы начинает изменяться структура поголовья скота в ЛПХ колхозников Свердловской области: снижается удельный вес КРС и, наоборот, увеличивается численность свиней, овец и коз (см. табл. 1). Изучая табл. 1, нельзя не обратить внимания на практически полное отсутствие в хозяйствах колхозников основной тягловой силы – лошадей. Послевоенная деревня была уже безлошадной, и крестьянин даже при желании не смог бы обрабатывать большие участки земли.

Таблица 1

Поголовье скота, птицы и пчел, находящихся в личной собственности колхозников Урала в 1946–1960 гг., голов/100 нал. душ

| Республика, область | Год | Виды скота | | | | | | | |
|---------------------|------|------------|----------------|--------|-------------|-------|---------|-------------|--------|
| | | КРС | | свиньи | овцы и козы | птица | кролики | пчелы (рой) | лошади |
| | | всего | в т. ч. коровы | | | | | | |
| Башкирия | 1946 | 130 | 74 | 9,4 | 236 | 255 | – | 21 | – |
| | 1950 | 130 | 70 | 4,3 | 174 | 425 | 1,2 | 39 | 1,0 |
| | 1955 | 125 | 64 | 27 | 270 | 1 159 | 0,8 | 35 | 0,2 |
| | 1960 | 129 | 68 | 45 | 443 | 1 506 | 5,7 | 62 | 0,1 |
| Оренбургская | 1946 | 163 | 87 | 9,3 | 235 | 525 | – | 10 | 0,1 |
| | 1950 | 148 | 78 | 6,4 | 179 | 653 | – | 13 | – |
| | 1955 | 159 | 70 | 44 | 303 | 1 558 | – | 11 | – |
| | 1960 | 149 | 80 | 55 | 416 | 1 960 | 0,7 | 23 | 0,5 |
| Свердловская | 1946 | 133 | 85 | 10 | 173 | 441 | 3,2 | 9,3 | – |
| | 1950 | 107 | 66 | 16 | 120 | 580 | 25 | 8,9 | – |
| | 1955 | 99 | 57 | 39 | 149 | 985 | 60 | 9,3 | 0,2 |
| | 1960 | 81 | 70 | 61 | 215 | 1 118 | 8,7 | 12 | – |

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 26. Д. 443. Л. 18, 20, 22. Д. 933. Л. 24–26. Оп. 324. Д. 1830. Л. 216–219. Д. 3714. Л. 250–253.

Нелишним будет напомнить, что в 1910 г. в четырех уральских губерниях насчитывалось 2 753 458 лошадей [30]. В связи с этим А. Н. Яковлев уже в наши дни писал: «У меня лично до сих пор вызывает щемящую боль постановление о лошадях. Непомерно суетясь, Хрущев простился с лошадью, которая веками тащила воз деревенской жизни. Пахала, возила, воевала, кормила и поила людей. Видимо, лошадь “позорила” социализм ржанием и тележным скрипом. “Самое механизированное сельское хозяйство в мире” (по выражению Хрущева) остракизовало лошадь, тогда как отнюдь не безмашинные американцы до сих пор держат для расхожих работ около 10 млн лошадей» [31].

Напомним также, что к началу XX в. в России (в современных границах) насчитывалось 31,6 млн голов КРС на 67,5 млн человек населения [32]. (Почти такое же количество этого вида скота – около 33,0 млн голов – было в 1999 г., вот только население страны к этому

времени увеличилось более чем вдвое [33].) В хозяйствах жителей Урала имелось немало и другой живности: на одном из выставочных стендов Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала можно найти информацию о том, что в далеком 1869 г. население Нижнетагильского завода и окружающих его пяти деревень (Верхнесалдинской, Черноисточинской, Висимоуткинской, Висимошайтанской и Лайской) держало 9 673 коровы, 15 797 овец, 578 свиней и 45 коз.

Подводя итоги нашего краткого исследования, скажем, что сельскохозяйственные реформы 1950-х гг. носили достаточно непоследовательный и незавершенный характер. Если же указать главную причину неудачи тех аграрных преобразований, то она, на наш взгляд, будет следующей: командно-административную систему совершенно не устраивал быстрый рост продуктивности ЛПХ и связанный с этим рост независимости каждого отдельного колхозника. В связи с вышесказанным представляется верным мнение М. А. Безнина, согласно которому «в течение всего периода руководства страной Н. С. Хрущева проводилась цельная и в достижении поставленных задач достаточно логичная политика по отношению к хозяйству колхозников. Суть ее состояла в завершении “раскрестьянивания”, превращении хозяйства двора в личное подсобное хозяйство, а колхозника-крестьянина – в рабочего с огородом» [34]. С этим мнением перекликается высказывание Ф. М. Бурлацкого, который в своих воспоминаниях отметил, что «в области сельского хозяйства Хрущев выступал даже большим государственным, чем Сталин» [35].

В конечном итоге сама жизнь однозначно доказала: полностью обобществленное сельскохозяйственное производство (впрочем, как и любое другое) всегда будет менее эффективным, чем частное фермерское хозяйство.

Библиографические ссылки

1. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова. М., 2010. С. 238.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 53. Д. 171. Л. 12–15.
3. Там же. Л. 15–16, 20–21.
4. Там же. Л. 241.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р1813. Оп. 14. Д. 1403. Л. 6–7; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 171. Л. 50.
6. Наумов В., Сигачев Ю., Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 61–62.
7. Постановление сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986). М., 1988. Т. 8. С. 303–345.
8. Марискин О. И. Налогообложение российского крестьянства в послевоенный период // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы X юбилейной всероссийской научной конференции. В 2-х тт. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 333–338.
9. Закон «О сельскохозяйственном налоге» от 8 августа 1953 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. № 7.
10. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию животноводства и снижению норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих» от 21 сентября 1953 г. // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957). В 4-х тт. М., 1958. Т.4. С. 62–96.

11. ГАСО. Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 518. Л. 20–21. Оп. 14. Д. 47. Л. 4, 11. Д. 290. Л. 39. Д. 401. Л. 5, 13. Д. 657. Л. 13, 25. Д. 914. Л. 18–19. Д. 1403. Л. 6–7. Д. 1916. Л. 4, 9.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 44.
13. См., например: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели» от 6 марта 1956 г. // КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 91–97; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» от 6 марта 1957 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 14-ти тт. М., 1983. Т. 4. С. 288–290.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 105. Л. 16.
15. Там же. Оп. 64. Д. 10. Л. 14.
16. *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 107.
17. *Мотревич В. П.* Экономическая история России. Екатеринбург, 2004. С. 473.
18. *Денисевич М. Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985). Свердловск, 1991. С. 104.
19. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 171.
20. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 271, 497.
21. *Мотревич В. П.* Указ. соч. С. 477.
22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 197. Л. 26.
23. Там же. Оп. 58. Д. 197. Л. 25.
24. Уральская историческая энциклопедия. С. 271.
25. КПСС в резолюциях... Т. 9. С. 92–94.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 103. Л. 10.
27. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. Ст. 493.
28. *Крючков В. А.* Личное дело. М., 2003. С. 72.
29. ГАРФ. Ф. А262. Оп. 8. Д. 2040. Л. 47; Постановление Совета Министров РСФСР «Об организации общественных огородов в совхозах и других государственных предприятиях сельского хозяйства» от 25 сентября 1962 г. // СПС «КонсультантПлюс».
30. Уральская историческая энциклопедия. С. 206.
31. *Яковлев А. Н.* Сумерки. М., 2003. С. 294.
32. Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1991. С. 241.
33. Новая хроника. 1999. № 40. 20 сент.
34. *Безнин М. А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1991. С. 106.
35. *Бурлацкий Ф. М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 193.